

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ

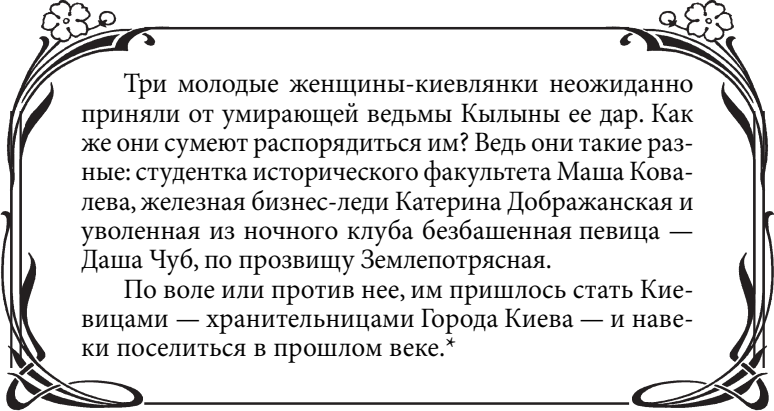

ЛАДА ЛУЗИНА

**РЕЦЕПТ МАСТЕРА
СПАСТИ ИМПЕРАТОРА!**

Книга 2

ХАРЬКОВ • ФОЛИО • 2011

Три молодые женщины-киевлянки неожиданно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и уволенная из ночного клуба безбашенная певица — Даша Чуб, по прозвищу Землепотрясная.

По воле или против нее, им пришлось стать Киевцами — хранительницами Города Киева — и навеки поселиться в прошлом веке.*

Глава седьмая, в которой начинается бой¹

Сцена была достойна кисти Ильи Репина — творца многозначительного шедевра «Не ждали»... Вот только живописцу, вознамерившемуся ее запечатлеть, пришлось бы долго ломать голову над названием.

Отдаленно напоминавшее Машу существо в мужской шапке, сапогах, домотканой рубахе сидело в кресле, опустив глаза, сцепив брови. Невероятно красивая Катя с гранатовым колье на груди стояла в углу, кутаясь в соболье мантио. Сбросив летчицкий пиджак и потертые ботинки прямо на пол, Даша Чуб развязно развалилась на диване гостиной невзрачного, маленького, одноэтажного дома на Малоподвальной, 13. Над ними всеми — на белой изразцовой печи — сидел большой и лобастый черный кот Бегемот (когда-то он принадлежал матери Акнир Киевице Кы-

* Начало истории — читайте в романе «Киевские Ведьмы. Выстрел в опере».

лыне да так и не признал новых хозяек — сбежал к дочери и, похоже, последовал за ней и сюда, в Прошлое). А молодая стро-голицая Учительница в белой блузе и черной юбке до пят, энергично ходила по комнате и говорила, говорила, говорила...

Сегодня Акнир говорила сугубо по делу — сухо и коротко, ладно и гладко. Слова ложились бусина к бусине. Учительница не позволяла себе ненужных отступлений, насмешливой дерзости, дешевой театральности; дополнявшее ее учительский образ пенсне Акнир так и не нацепила на нос — крутила в руках. Тон ее был суровым и деловым. С лица стерлись эмоции.

Но отчего-то именно из всех этих замечательных перемен становилось понятно: она боится Машу. Боится неприкрыто — и чем старательней она пытается это скрыть, тем отчетливей в ее экономичных построениях фраз проступает колючий страх.

И только сейчас Даша Чуб осознала:

«Это не Маша!»

В ожидании встречи с лжеотроком, лжепоэтесса думала о нем, как о бывшей подружке. О том, как той пришлось скрывать в монастыре свой пол, притворяться, и представляла разное... Но лишь теперь сопоставила: став их подругой, Маша не перестала быть исцелявшим на расстоянии всеведующим пророком и чудотворцем, чью святость не решались оспаривать и зубоскалы.

Но Маша святой не была. И все же делала это. Как?

«Она колдовала!»

Чуб заледенела.

Все чудеса, творимые Отроком, делала ведьма. Вся ее святость была порождением Книги Киевиц. Она переписала заклятия и оставила их на квартире. Но Маше не нужны были записи — студентка-отличница, она на лету запоминала любой единожды слышанный текст.

И во всем этом Даше увиделось что-то не очень хорошее. Но еще меньше хорошего видела в этом Акнир... Она искала Отрока и нашла младшую из Трех Киевиц, отсутствие коей нимало ее не печалило. Признав, что Маши точно нет на земле, она словно бы разом вычеркнула без вести пропавшую Третью из их общих планов...

Но оказалось, что Маша — есть. И еще оказалось, что Маша — Отрок. Тот самый Отрок, без участия которого весь ведьмин план летит к чертовой бабушке. И еще оказалось, что Маша — ведьма. Ведьма, о силе чудес которой говорит весь Юго-Западный край...

«Маша сильнее ее?»

— ...блестящие реформы Столыпина не смогли ничего изменить, хотя поначалу моя мама тоже думала так, — подобралась девица к финалу. — Да, будь Столыпин жив, он изменил бы историю, он укрепил бы низы и остановил войну. Если бы он был жив... В этом-то месте мамины расчеты и не сошлись. Он умер в 1913 году от инфаркта и...

— Все, что мы сделали, было зря, — фыркнула Чуб. — Наша песня хороша, начинай сначала!

Уже смирившаяся с сим малоутешительным фактом летчица посмотрела на бывшую студентку-историчку. Чуб уже не казалось, что та втянула их в провальную аферу — она глядела на подругу сочувственно:

«Бедная, так старалась все изменить. Каково ей узнать, что Акнир ее тупо использовала...»

Но лжеотрок безучастно тарасилась в пол. За шесть монастырских лет Машина привычка опускать глаза достигла своего апогея — она вообще перестала их поднимать. И летчицу посетило неприятное чувство, что все они словно заключены в стек-

лянный сосуд, а Маша находится за его прозрачной стеной — вроде бы рядом и все же за пределами их мироздания.

— Нет, не зря, — отвлекла ее от сомнительных ощущений Учительница. — В последней маминой тетради было просчитано все. Все, — весомо повторила она, — включая и вас, и вашу первую попытку Отмены. Только благодаря вам все сошлось. Только благодаря вам Трем...

— А откуда твоя мама знала про нас? — переключилась Чуб. — Она ж умерла до того, как мы тут...

Катерина еле заметно дернула ртом, вспомнив:

«Моя мама верила в вас!»

— Она просчитала, — выдала исчерпывающее объяснение ведьма. — С помощью формулы Бога мама высчитала: пророчество Великой Марины сбудется. Трое придут, пойдут в Прошлое и изменят его. И вы совершили невысказанное. Да, все, что вы сделали ради Отмены было бессмысленным. Но все, что вы делали просто так, ради себя, ради наживы и честолюбия, имело огромный смысл... — Учительница повернулась к госпоже Дображанской. — Только благодаря вам, Екатерина Михайловна, в наших руках вторая и третья власть — финансы...

Катерина насупилась.

— ...и средства массовой информации. Все кинотеатры Империи принадлежат вам. И они нам весьма пригодятся. Только благодаря вам, — Акнир подошла к круглому столу у окна и взяла в руки разноцветную книгу, — мы получим первейшую власть — монархию. Только благодаря Гришке Распутину...

— Распутину? — эмоционально перебила Чуб. — Мы и его к нам подключим? Я сто лет мечтала с ним познакомиться! Вот волнующий дядя... Я слыхала, он трахался со всеми придворными дамами, потому что вампирил через секс.

— А я слышала, — резко отбрила перебившую Катя, — что Изида Киевская постоянно говорит в интервью несусветную чушь!

— А чё, я неправду ща-с говорю? — дернула невозмутимым плечом пилотесса. — Вот спроси у Акнир. Распутин — колдун ведьмак? И вампирит через трах. Я слышала, у него та-а-акой член...

— А я слышала, что слухи об огромном размере члена Распутина и поклонение его размеру — типичные рудименты язычества, — поморщилась Екатерина Михайловна. — Помолчи, Дарья. Спасу от тебя нет, ей-богу... Твой Распутин испохабил все святое, что еще оставалось в стране. Святым старцам место в келье, а не во дворце, не в кабаках и не на оргиях. Царя с царицей и раньше-то не сильно любили, а когда они приблизили к трону пророка-развратника и принялись слушать его как малые дети... Да самый последний гимназист в Империи знал, что Россией правит не законный монарх, а окаянный Гришка! Думаю, он и впрямь обладает недурственными гипнотическими способностями. Но нам чем этот Кашпировский поможет? — вернула она трибуну Акнир.

— Он уже помог нам, — сказала Учительница. — Тем, что он жив.

— А он уже должен был умереть? — удивилась Даша.

— 16 декабря 1916 года. А незадолго до смерти Распутин оставил пророчество. Или скорее проклятье... «Русский царь! Знай, если *мое* убийство совершат твои родственники, то ни один из твоей семьи, родных и детей не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ». Так все и вышло, — серьезно сказала Учительница. — Царь и Семья были расстреляны через девятнадцать месяцев после убийства Распутина. Однако на этот раз он не

умер... Его предупредили о покушении, — Акнир нарочито развернулась к лжеотроку.

— Маша... — Чуб выговорила это имя без должной уверенности, — ты что-то сделала? Значит, это правда, что говорили на Киеве? Будто царь и Распутин тайно приезжали к нашему Отроку? Правда?

— Неправда, — лжеотрок упрямо смотрела в пол. — Царя не было.

— А Распутин к тебе приезжал? Да рассказывай, Машка, уже, не тяни! — полувосторженно-полувозмущенно закричала Чуб. — Про Распутина столько всего говорят...

— Не о чем рассказывать, — отрезала Маша. — Предостерегла. Вот и все.

Вот и все?

Существо в мужской шапке, бесформенных штанах и потертых сапогах даже не подняло головы. И Даша расстроилась. Вначале не поняла отчего. А потом догадалась: не Маша это, не Маша! Настолько, что и само имя Маша к ней не лепилось. Какой-то чужой человек, холодный, недружелюбный, бездушный — запертый на все замки и засовы.

Эта «не Маша» Чуб решительно не нравилась. И не исключено, что вы, мой читатель, испытываете схожие чувства. Воздержусь от высказывания личного мнения, скажу лишь: прошло много лет. И одних годы меняют до неузнаваемости, иные изменяют только оттенки...

За шесть лет Даша Чуб не перестала быть Дашей — она представляла собой набор тех же разноцветных качеств. Ее не иссякающий энтузиазм — вылился в широкую и штормящую деятельность, бодрость духа — превратилась в экспансивность, готовность бездумно броситься на помощь любому — разрос-